

Научная статья

УДК 94(470)"1917"+343.81(470)+316.77+51-77

doi: 10.17223/24099554/20/15

Каторга и рождение новой политической риторики: анализ корпуса писем политических заключенных начала XX в.

Екатерина Михайловна Болтунова¹

Антон Константинович Лаптев²

Никита Александрович Ломов³

*^{1, 2, 3} Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия*

¹ ekboltunova@hse.ru

² aklaptev@hse.ru

³ nikita-lomov@mail.ru

Аннотация. Рассматривается процесс становления в России начала XX в. нового политического языка, а именно речевых практик, характерных для революционных групп. В качестве источника используется коллекция писем заключенных Смоленской временной каторжной тюрьмы, сохранившаяся в процессе перлюстрации и отложившаяся в Государственном архиве Смоленской области. Привлечение математических алгоритмов, нейросетевых технологий и метода интеллектуального анализа рукописей дали авторам возможность не только указать на происхождение такого феномена, как революционный язык, но и сделать следующий шаг на пути к пониманию механизмов его формирования, а именно проследить сочетание различных нарративов и выявить ряд паттернов, например, отметить активное обращение к эмоциональной сфере.

Ключевые слова: политическая риторика, машинный анализ данных, нейронные сети, политические заключенные, революционеры, негласная переписка, перлюстрация, каторжная тюрьма, нарративы, В.И. Ленин

Источник финансирования: Исследование проведено в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» в рамках проекта Российского научного фонда № 22-68-00066 «Культурное

наследие России: интеллектуальный анализ и тематическое моделирование корпуса рукописных текстов».

Для цитирования: Болтунова Е.М., Лаптев А.К., Ломов Н.А. Каторга и рождение новой политической риторики: анализ корпуса писем политических заключенных начала XX в. // Имагология и компаративистика. 2023. № 20. С. 294–314. doi: 10.17223/24099554/20/15

Original article

doi: 10.17223/24099554/20/15

Hard labor and the birth of a new political rhetoric: An analysis of a corpus of letters from political prisoners (early 20th century)

*Ekaterina M. Boltunova*¹

*Anton K. Laptev*²

*Nikita A. Lomov*³

^{1, 2, 3} *HSE University, Moscow, Russian Federation*

¹ *ekboltunova@hse.ru*

² *aklaptev@hse.ru*

³ *nikita-lomov@mail.ru*

Abstract. The article focuses on the formation of a new political rhetoric of revolutionary groups in the last years of the Russian Empire's existence. The authors search for determinants in the deviation of the political speeches of the revolutionary movement's leaders from the standards adopted at that time. As part of the work, an objective was set to describe the emergence and development of new forms of political language, and to identify the key factors influencing this process, in order to analyze the evolution of the political language and the formation of narratives relevant for public consciousness, as well as to search for the environment that forms this language. To reach this objective, an interdisciplinary approach was applied, based on the use of mathematical methods to study the revolutionary language on a unique historical source: the archive of the clarified letters by Smolensk convicts of 1906–1907. These ego-documents, created by the revolutionaries at the time of their stay in the Smolensk convict prison, are specific due to the secret nature of the correspondence, and they verbalize the experience of creating new speech forms and the processes of developing relevant narratives. To conduct the study, a neural network was trained, which made it possible to decipher the manuscripts (convicts'

letters) and “translate” the corpus of documents into machine-readable characters. Using the methods of mathematical analysis, an initial intellectual analysis of the content of the letters was carried out, aimed at determining the main narratives (themes) that were recorded in the manuscripts. The results were the identification of four key narratives found in the studied documents: corporal, emotional, criminal, and also the narrative of time. Each of the narratives was defined through a list of keywords combined into dictionaries. As a result of the study, the authors found that the category “time” is closely related to the description of prisoners’ emotional and physical states: the answer to the terrifying state of “now” was a bright future, which was supposed to come “later”. Convicts practically did not build connections between criminal topics and the category “corporality”, which means that they did not consider being in prison as the root cause of difficulties and hardships. The key point in the study is that references to the emotional sphere, important for revolutionaries’ communication, did not act as a trigger – the emotional narrative did not become “leading” in most cases. However, it consistently acted as a “subordinate”, which means that no matter what it was about – one’s own body, a planned murder, or about a bright future – the narrative certainly had to be accompanied by some kind of an emotional component. The authors come to the conclusion that the new political rhetoric of revolutionary groups was formed in the space of hard labor prisons, and the identified narratives actually connected different-level rhetorical structures and made it possible to create a new form of talking about the political, turning the opponents of the empire into a single “emotional community”.

Keywords: political rhetoric, machine data analysis, neural networks, political prisoners, revolutionaries, private correspondence, perusal, convict prison, revolutionary language narratives, Lenin

Financial Support: The research was conducted at HSE University and supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-68-00066: Cultural Heritage of Russia: Intellectual Analysis and Thematic Modeling of the Corpus of Handwritten Texts.

For citation: Boltunova, E.M., Laptev, A.K. & Lomov, N.A. (2023) Hard labor and the birth of a new political rhetoric: An analysis of a corpus of letters from political prisoners (early 20th century). *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 20. pp. 294–314. (In Russian). doi: 10.17223/24099554/20/15

В современных академических исследованиях обращение к теме публичности и рассмотрение практик функционирования публичной сферы имеет вполне устойчивый характер. При этом речь идет как об

интерпретации имперских и советских сюжетов, так и об анализе современного периода [1–4]. Особый интерес в последнее время приобретает изучение режимов социокультурной коммуникации в периоды социальных потрясений – от моментов трансфера власти до революционных событий 1905–1907 г и 1917 гг. и Гражданской войны 1918–1922 гг. [5; 6. С. 69–87; 7–9]. В поле зрения исследователей оказываются как политическая риторика, актуальная в конкретные исторические периоды, так и – шире – сфера политического мышления, определяющаяся как зона, «в которой смыкается индивидуальная и общественная природа гражданина, стремящегося воздействовать на других людей с помощью речевых актов» [10. С. 15]. Особое внимание в этой связи уделяется формам публичной коммуникации, характерным для того или иного политического лидера.

Недавние изыскания в отношении политического языка В.И. Ленина, предпринятые И. Калинин и Г. Карпи, позволили существенно дополнить наши представления об особенностях и значении форм публичного высказывания, характерных для вождя [11, 12]. Анализируя как собственно ленинские тексты, так и дискуссии о стиле его выступлений, которые развернулись в литературной и академической среде в первые годы после смерти лидера РКП(б), И. Калинин и Г. Карпи указали на существенное отличие ленинского языка от принятых стандартов начала XX в., определив особенности его политической речи. В числе последних были названы в частности: 1) резкое упрощение речевых структур (на синтаксическом, фразеологическом и лексическом уровне), имевшее целью сделать речь понятной для неподготовленного и просто необразованного слушателя; 2) прагматизм высказывания, в котором «в зависимости от функции конкретного текста вульгаризация языка могла соседствовать... с подчас весьма гипертрофированными книжными элементами»; 3) ставка на повелительный и одновременно проповеднический характер высказывания и, наконец, 4) сосуществование в рамках одного высказывания разных смыслов и утверждений [11. С. 614–615; 12. С. 4]. В отношении особенностей речи Ленина Г. Карпи приводит две цитаты, относящиеся к середине 1920-х гг., – Л.Д. Троцкого и лингвиста А. Финкеля. Троцкий так описывал стиль публичной коммуникации вождя: «Конструкция фраз обычно громоздкая, одно предложение напластовывается на другое или, наоборот, забирается

внутри его». Согласно Финкелно, «наиболее характерным приемом является у Ленина разрыв синтаксического целого. Предложение, отвечающее какой-либо мысли, пересекается авторскими ремарками, репликами, возражениями, вплоть до того, что два или больше предложений идут параллельно» [12. С. 40–41].

Отметим, что интереснейший разбор, который предлагают И. Калинин и Г. Карпи, развернут в сторону теоретической рефлексии о литературе и идеологии и не предполагает рассмотрения вопроса о процессе становления, формирования и тестирования новых форм политического языка группами революционеров. Иными словами, авторы не дают ответ на вопрос, как именно возник ленинский язык¹ и следует ли искать объяснение в рассмотрении системных усилий конкретного человека или анализе речевых практик, получивших распространение в соответствующей среде?

Вероятно, ответ на этот вопрос можно найти изнутри более широкого контекста, т.е. обратившись к эволюции языка профессиональных революционеров начала XX столетия. При выборе такой исследовательской оптики существенное значение имеет работа с эгодокументами, созданными революционерами в момент конкретного события или сразу после него (прежде всего, письма, а также дневники и записные книжки), – эти источники фиксируют, помимо прочего, опыт создания новых речевых форм и процессы выработки актуальных нарративов. Отметим, однако, что значительная часть подобных текстов была утрачена – формы негласной работы и конспирации требовали сокрытия или уничтожения корреспонденции и рукописных текстов революционного содержания².

Предлагаемое исследование было также выполнено на относительно ограниченном числе документов, о которых речь пойдет ниже. Существенно, что в нашем случае анализ источников предполагал выявление паттернов и закономерностей, присутствующих в языке и

¹ И. Калинин отмечает, что представители ОПОЯЗа полагали, что язык Ленина появился как результат использования открытых формалистами законов поэтического языка [11. С. 605–615].

² Показательно, что составитель сборника предсмертных писем революционеров В.А. Кондратьев обнаружил лишь 56 единиц подобных документов, сохранившихся в личных и семейных архивах [13. С. 6].

формирующих его структуру, а также взаимозависимость складывающихся нарративов. Сложность речевых конструкций и необходимость их оценки через взаимное воздействие друг на друга потребовали привлечения методов математического анализа и технологий, связанных с работой нейронных сетей.

В качестве источника для работы были использованы перлюстрированные письма заключенных Смоленской временной каторжной тюрьмы. Этот блок материалов был обнаружен в фондах Государственного архива Смоленской области (Ф. 404. Оп. 1. Д. 631) и представляет собой корпус из 67 писем, датированных 1907–1908 гг., т.е. созданных в период Первой русской революции и непосредственно после нее. Специфика коллекции обусловлена характером самих документов: по содержанию это негласная переписка политических заключенных, которая велась внутри каторжной тюрьмы и частично выходила за ее пределы. В последнем случае адресатами корреспонденции выступали родственники каторжан, а также их товарищи по революционному делу «на воле».

Отметим, что письма, пересылаемые за пределы каторги, отличались наиболее очевидными атрибутами конспирации. Так, один из политических заключенных Смоленской тюрьмы, передавая сведения, использовал в качестве шифра дробные числа, а также сокращал все фамилии до заглавной буквы: «Все что через К. сделать просил Вы уже постарайтесь также и это, что Вам передает Ж¹. Все это должно идти по адресу 6/1 15/1 1/2 5/2... Вы спрашивали через И. фамилию дома какую и какого – не знаю. Вот вам др. дом. 3/1 2/1 1/4 4/4 9/1 16/1 8/1 1/6 4/5... Вот пока все то важное» [14. Л. 8]. Для передачи негласной корреспонденции за пределы тюрьмы использовались доверенные лица из числа конвоиров и охраны, которые фигурируют в текстах указанной коллекции писем в качестве «notre courieur», т.е. «нашего курьера» («Я вам послал несколько дней цидулку (записку – прим. авт.) но от вас ответа не было, я думаю может быть “notre courieur” занес по безграмотности в другое место что с ним часто случается...») [14. Л. 29].

Непосредственно внутри Смоленской каторжной тюрьмы такие письма циркулировали благодаря использованию различных

¹ Здесь и далее сохранена орфография и пунктуация источника.

ухищрений – веревочных «мостов» между оконными проемами камер, сквозных отверстий, просверленных в стенах (так называемые телефоны), «закладки» корреспонденции в отхожих местах и помывочных. Передачу корреспонденции осуществляли также сочувствующие заключенным¹ конвоиры и жандармы.

Как уже упоминалось, в рамках принятых установок каторжане должны были уничтожать письма после прочтения, и это правило, очевидно, соблюдалось. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы сохранились благодаря перлюстрации, осуществлявшейся смоленскими жандармами. За счет налаженной агентурной работы так называемые ксивы (письма, запрещенная переписка) скрытно изымались и поступали в жандармское отделение, где их копировали, после чего оригиналы писем возвращали в тюрьму для передачи получателям. Отметим, что фиксация информации в процессе перлюстрации определила ряд особенностей текста: все имеющиеся в нашем распоряжении письма были переписаны одним человеком – жандармом, ответственным за негласную работу с революционными элементами в каторжной тюрьме, а значит, речь идет об одном почерке. Согласно правилам, перлюстратор, работавший с документами, был обязан скопировать все детали текста, ничего не опуская, не добавляя и не корректируя попавший в его руки материал [16. С. 7].

В содержательном отношении письма каторжан представляют собой зафиксированный поток сознания; эти рукописные документы сопоставимы с живой речью заключенного. Тексты создавались в условиях ограниченного времени и опасности быть раскрытыми. Отсутствовала и возможность редактировать написанное – у заключенных не было ни лишней бумаги, ни дополнительных письменных принадлежностей. К тому же оригинальные тексты записывались на

¹ Сочувствие персонала каторжных тюрем – образ, который можно обнаружить в эгодокументах революционеров. Так, Ф.Э. Дзержинский писал в своих письмах из заключения: «Жандармы теперь запуганы и боятся разговаривать с нами; только по глазам можно узнать, кто сочувствует нам» [15. С. 58]. Политические заключенные в Смоленске также отмечали «помощь» жандармов и конвоиров: в тайном письме к одному из своих товарищей, проживавших в городе, арестанты просят передавать деньги и письма в каторжную тюрьму через «нашего посыльного надзирателя, который будет присылаться нами как только потребуется» [14. Л. 29].

небольших клочках бумаги при плохом освещении. Неудивительно поэтому, что имеющиеся в нашем распоряжении тексты изобилуют ошибками, прежде всего, пунктуационными. В ряде случаев количество ошибок указывает на невысокий образовательный уровень авторов писем.

Авторы тюремных писем, по-видимому, принадлежали к социал-демократам. В письмах часто встречается обсуждение дел в Одессе, Севастополе и в целом на юге Российской империи – можно предположить, что каторжане были участниками Севастопольского восстания 1905 г. В Смоленской каторжной тюрьме в это время действительно содержались «севастопольцы», в частности бывший кадровый офицер Борис Ждановский [17. С. 73].

Наибольшее количество писем в деле принадлежит двум авторам: Ивану Быковскому и Тимофею Лишневному – товарищам по революционному делу, что видно из содержания писем, которые содержат множество общих тем и отсылки к событиям 1905 г. В переписке Быковский выступает по отношению к Лишневному, двадцатилетнему юноше, в роли старшего и более опытного соратника – дает наставления, знакомит с литературой и настоятельно требует заниматься самообразованием. Более высокий образовательный уровень Быковского прослеживается по текстам его писем, выстроенных более грамотно; для него характерно также использование слов и выражений на французском. Лишневный в переписке признает авторитет Быковского, нередко просит совета и эмоционально описывает наставнику собственные переживания и опасения по поводу будущего.

Отметим, что переписка этих каторжан – наиболее интересная часть документального комплекса. Письма за авторством других заключенных обрывисты и не имеют ответов, что не позволяет реконструировать предмет переписки, как это можно сделать в случае с заочным диалогом Быковского и Лишневного. Для понимания особенностей структуры и содержания корреспонденции смоленских каторжан приведем несколько писем Быковского и Лишневного за ноябрь – декабрь 1908 г. [14. Л. 2–2 об., 22–22 об., 33–34 об.].

1

Тимофей Лишневецкий

Письмо заключенным Быковскому и Усикову

<2 октября 1908 г. Смоленская временная¹ каторжная тюрьма>

Здравствуйте, тов<а>рищ<и> Быков<ский> и Усиков! Я ваши записки получил и даю вам во 2 раз ответ причина вам известна был провал маленький хотя не важное ну всетаки нехорошо. Писал я следующее насчет этой твари Федора то еще там Усик был в 30 кам<ере>. Я послал туда ксиву и писал почему они его не повесили суку и просил чтобы ответ писали на ваше имя так к<а>к ко мне труднее написать. Еще вот что друг что это не правда что он писал и предлагал услуги сыскному отделению а он писал командиру г. Севастополя что желает искупить прошлое так к<а>к у его есть там супруга и он невинно попал что действительно брат родной его знал что он за негодай взял его по делу и ему сразу петлю дали а позже дали вечную² а брату в сознании дали 20 лет Это мне сказал наш парикмахер он его в контору³ водил услуга его такая вешать преступников а сам он уже приписался в собачье общество⁴ он не преступник. Вчера вы были на комиссии⁵ и я слышал что вас уже признали не знаю ноги или руки⁶ скоро подробно узнаю тогда сообщу. Мне наемкнули Шлиссельбургом⁷ но я так сказал что я и там добьюсь что мне надо ну он сказал что там хуже как здесь я думаю что ложь, а впрочем раз хуже не будет к<а>к здесь ту записку я не очень распространялся но всетаки либерал⁸ поймет что и вы провокаторов не любите но я думаю что это

¹ Увеличение числа политических заключенных после революции 1905–1907 гг. заставило правительство создать каторжные тюрьмы на территории европейской части Российской империи. Такие структуры рассматривались как временные, что нашло отражение в их названии.

² В данном случае – пожизненная каторга.

³ Жандармское отделение.

⁴ Имеются в виду полицейские или жандармские чины, проявлявшие особую жестокость в отношении политических заключенных [14. Л. 15].

⁵ Медицинская комиссия, которая признавала необходимость смягчения условий заключения.

⁶ Судя по контексту писем, адресат письма болел артритом или имел проблемы с суставами конечностей.

⁷ Шлиссельбургская каторжная тюрьма.

⁸ Ироничное прозвище начальника Смоленской каторжной тюрьмы, отличавшегося суровостью в отношении политических заключенных. Ответом на ужесточение содержания заключенных были массовые голодовки и даже бунты, один из которых, произошедший 30 декабря 1906 г., газета «Век» назвала «голым бунтом»: в канун нового года арестанты, уставшие от старой «смрадной» одежды, а также грязного и несменяемого постельного белья пошли на нестандартную

ему понятно было до этой ксивы. Вот что вы пишете, что легальными способами надо добиваться то я уже бросаю все на свете и еще раз пойду к инспектору в декабре вы видите Ваня (Быковский – прим. авт.) что я уже более половины в могиле и даже радуюсь этому и могу только сказать простите товарищи что я могу для вас всех только одну жизнь принести в жертву. Я теперь другой раз хожу и думаю к<a>к бы только выполнить свой акт¹ удачно что я буду лежать и собака рядом со мною. Теперь мне плохо писать очень строго, ну всетаки плевать надо на них. Пока прощайте всего хорошего вам привет Траутману², уважающий вас искренно от души Лишнеvский.

И<вану> Быковскому

2

Тимофей Лишнеvский

Письмо родителям и брату Саше

<4 декабря 1908 г. Смоленская временная каторжная тюрьма>

Здравствуйте дорогие родители и дорогой брат Саша. Во первых строках моего письма спешу сообщить тебе что я жив еще меня не убили ты знаешь брат Саша я получил в Смоленске за убийство шпиона вечную каторгу.³ Я тебе писал очень много писем но от тебя ответа нет я тут слышал, что тебя где то за Москвой убили на преступлении, когда ты с Олонца ушел. Сейчас я нахожусь в очень скверном положении сижу в ручных и ножных⁴ и один везде вот уже скоро 2 года так у меня Саша есть к тебе очень большая просьба, так к<a>к я уже можно сказать в живых отсюда с этой каторги не вырвусь и не придется быть на воле то я прошу тебя мсти за меня ты знаешь кому и до гроба жизни родных береги их Бог один знает живы ли они еще к<a>к они тебе дороги так и мне знаешь они нам кроме добра ничего не желали, ну что когда нам злой рок написан я из каторги в каторгу и ты так же самое я прошу тебя одно по получении сего письма ты ответь мне г. Смоленск каторжная тюрьма Мордки Лишнеvскому пиши о себе и о родных где они или в Москве или в Одессе находятся затем напиши к<a>к ты

форму протеста – они сняли с себя белье и выбросили его вместе с одеялами из камер заключения [17. С. 77]. О режиме содержания в Смоленской каторжной тюрьме см. также [18. С. 77, 80–82].

¹ Речь идет об убийстве тюремного инспектора, которое планировал автор письма.

² Заключенный, находившийся в одной камере с Иваном Быковским.

³ Каторжане делились на три группы. В первый разряд входили приговоренные к бессрочной каторге или осужденные на срок свыше пятнадцати лет, во второй – от пятнадцати до восьми лет; в третий – менее восьми лет. В данном случае имеется в виду бессрочная каторга.

⁴ Речь идет о ручных и ножных кандалах.

женился или нет хотя я бы не советовал бы этой глупости делать ну воля твоя к<a>к на Кати или на другой какой. Денег мне не присылай потому что здесь не дадут вычтут все до копейки я здесь мебель и все ломал только письмо пиши к<a>к кто жив и кто умер вот это мне дорого знать я уже открывал дела но меня не хотят никуда вызывать ты там попроси в тюрьме что меня ктонибудь взял по делу я был бы очень ему и тебе благодарен если бы вырваться отсюда. Напиши что ты делаешь то что раньше или стал работать хотя мне не верится чтобы ты бросил ты не выдержишь и эти карты и водка пригонят тебя опять в каторгу куданибудь или в тюрьму брось Сашка есть возле чего жить да и ты сам не маленький 22 года должен понимать вспомни ту осень что мы потеряли сколько денег и сколько несчастий мы имели.¹ Прошу тебя ответь все подробно а за эту шкуру не поминай душа ее вон. Целую тебя и родных искренно пишу может в последний раз Тимоша. Передай поклон Медведю Васьки и Страусу Саши, поцелуй Ваню и Петрова Ваську и косоного Петьку, Сидоренки Васьки, Психа Ваньки и дунька Лабриха и Катьки своей и Людвигу и всем всем Коле Дидгеру. Прощайте.

Ваш Тимоша

3

Тимофей Лишневецкий

Письмо заключенному Андрею Овчинкину.

<17 декабря 1908 г. Смоленская временная каторжная тюрьма>

Здравствуй товарищ Андрей!

Сегодня приходил инспектор и объявил, что никуда не вышлют, ну брат Андрей передай от меня Курильскому и Жбанову последний прощальный привет, так к<a>к скоро меня уже в живых не будет, лучше умереть и какуюнибудь суку еще за собой потянуть спасибо товарищам к<a>к они за меня заступаются. Если куций² рядом с тобой, проси нож пусть все меры примут, да скорей принесут и передадут³.

Лишневецкий

4

Иван Быковский

Письмо заключенному Тимофею Лишневецкому

<19 декабря 1908 г. Смоленская временная каторжная тюрьма>

Дорогой Тимоша! Послушай мой глупый совет, помни, что я тебе не враг и желаю тебе того же что и себе, умоляю тебя: не отдавай своей жизни палачу, ибо

¹ Вероятно, отсылка к азартным играм.

² Кличка заключенного, содержавшегося в одной камере с Андреем Овчинкиным.

³ Речь идет о передаче ножа или заточки, которой Тимофей Лишневецкий собирался убить тюремного инспектора.

мы еще молоды и нам предстоит многое впереди, слушай дружок, ты вникни во все то, что нас окружает и ты увидишь как ничтожны наши страдания в сравнении с страданием Всего народа, помни что здешним актом (убийством. – *Прим. авт.*) ты не удивишь никого наоборот тебя будут проклипать большинство в этом я уверен, а если и вспомнят про тебя, то это только ближние к тебе, да еще те, которые поймут суть дела, но таких найдется немного, а из за этого умирать безумно, ты еще много можешь сделать полезного в будущем я верю в твой светлый ум и убежден, что ты пойдешь с народом но не против его, а то что мы будем на свободе в этом я ни чуть не сомневаюсь, пройдет 2–3 года и мы вольные птицы, это же время используем для пополнения своих знаний, чтобы выйти к народу с хорошим запасом знания, вот это одна сторона моего совета, что же касается твоего облегчения и уравнивания с остальными, то я тебе скажу следующее: потерпи пока уйдет этот паразит¹, а тогда начнем действовать и поверь, что на первое время новая метла² не допустит вольниц³ и удовлетворит если не общую, то уравняет здесь, а поэтому никаких возваний писать не стоит, так как к а к это повредит лишь делу, сейчас поднимут вольнь и без сомнения проиграют а тогда уж их и дубиной не поднимешь. Дорогой Тимоша умоляю тебя прими мой совет и поверь не будешь раскаиваться, а теперь пока потерпим меня тоже уже ни с кем соединять не хочет и уже 1 1/2 месяца даже больше как покончил с ним все счета я был у инспектора по поводу лавочника и он порывался несколько раз со мной разговаривать, но я дипломатически молчал, даже инспектор заметил говоря: не стоит на прощании ссориться и сердиться, но я ничего не сказал, я также с нетерпением жду новой метлы, посмотрим как а к заметет, ну а теперь пока потерпим, будем утешать друг друга словечками, а также и другим, если будет, да должен тебе сказать, что какой то «негодяй» прислал деньги как тебе понравится такой «нахал»⁴. Но только не знаю сколько, сегодня взяли квитанцию и поверь, что если там будет больше 5 руб. <лей>, то я его еще не так «разругаю» за то конечно, что не дают спокойно голодать. Ну прочь шутки, я за Шеповалова в тот же день говорил, а остальная публика слышала но молчала, сегодня также я 4 раза требовал прогулки, а остальные молчали, как будто бы до них не относится, обидно, но я уже стал к ним привыкать. Еще раз прошу, прими мой дружеский совет и не

¹ Начальник каторжной тюрьмы, слухи о переводе которого в Петербург циркулируют в письмах заключенных.

² «Метлой» называли начальника каторжной тюрьмы. В этом отношении фраза «новая метла» указывает на смену тюремного руководства.

³ Оригинальное слово из письма смоленских каторжанина, вероятно, отсылка к форме протеста заключенных.

⁴ Автор текста использует кавычки для маркировки ироничных высказываний. В момент, когда пришли деньги, предназначенные в первую очередь для покупки еды, Иван Быковский, не согласный с внутренним распорядком каторжной тюрьмы, объявил голодовку.

расстраивай себя, если нужно будет погибнуть, то погибнем вместе, а пока поживем, «авось» и на нашей улице будет праздник. Крепко жму твою лапку и целую.

Ваня

P–S. Лапку если привезет маман, то пришлю, у меня у самого слюнки текут. «adieu».

Как мы видим, этот сегмент переписки выстраивается вокруг нескольких ключевых сюжетов: подготовки убийства начальника тюрьмы или тюремного инспектора, которое задумал Лишневецкий, но не одобряет Быковский, условий содержания, здоровья и морального состояния каторжан, готовых к участию во внутритюремных забастовках. При этом формат письма (отсутствие корректной пунктуации, многочисленные ситуационные отсылки и специфическая лексика) серьезно затрудняет понимание смыслового наполнения текстов, что, в свою очередь, осложняют работу по контекстуализации материала.

Отметим, что вокабуляр, который используют каторжане, представляет собой сочетание лексики, с одной стороны, характерной для соответствующей революционной среды («легальными способами», «отдать жизнь палачу», «пойти с народом», «начать действовать», «товарищ») с отсылками к категориям высокого порядка («искупить прошлое», «выйти к народу», «страдание», «принести в жертву») и, с другой стороны, тюремного жаргона («ксива», «шкура», «высшая», «контора», «одиночка», «околодок», «по-арестантски», «вечняки»).

Существенно, что материалы такого рода демонстрируют схожесть по отношению к политическому языку В.И. Ленина, о котором речь шла выше. Мы видим здесь характерную в обоих случаях простоту изложения, корректировку форм в соответствии с уровнем адресата, сочетание подчас несочетаемых слов, дидактичность и/или экспрессивность подачи и, наконец, прерывистую и часто неочевидную конструкцию предложения. Все это позволяет предположить, что коммуникация в стенах каторжных тюрем начала XX в. стала своего рода базой для выработки и тестирования нового революционного языка.

Однако рассмотрение этого блока источников позволяет нам не только указать на происхождение такого феномена, как революционный язык, но и сделать следующий шаг на пути к пониманию

механизмов его формирования, а именно проследить сочетание различных нарративов, составляющих подобные тексты.

Для проведения такого изыскания на основе указанного комплекса документов были использованы методы математического анализа. Первоначально исследовательская группа осуществила ручную расшифровку части писем, что позволило произвести обучение нейросетевой модели VerticalAttentionOCR (уровни строки и страницы). В результате применения нейросети к распознаванию всего корпуса документов из 67 писем удалось получить существенный результат – показатели качества, а именно доля ошибок в символах (CER¹) и словах (WER²) для всей выборки оказалась ниже, чем у известной нейросетевой модели Russian Generic Handwriting 2 (Transkribus). Важно подчеркнуть, что проведенная работа была осуществлена на достаточно ограниченном объеме первоначального материала для обучения собственной нейросетевой модели «с нуля». Результаты, полученные на основе нейросетевого распознавания указанного корпуса рукописных текстов, демонстрируют возможность использования нейронной сети для работы с массивами данных при низком проценте первоначально расшифрованных материалов (десятки, а не сотни или тысячи архивных листов), что открывает широкую перспективу для изучения рукописных (в том числе архивных) текстов.

После автоматической расшифровки всего блока писем каторжан, авторами была поставлена цель – проанализировать содержание текстов через выявление ключевых нарративов (тем) с помощью поиска и оценки частотности ключевых слов³. Первоначально были выделены основные нарративы – телесный, эмоциональный, криминальный, а также нарратив времени. Для каждого из них был подготовлен словарь ключевых слов. Например, для телесного нарратива (который также может рассматриваться как медицинский нарратив) были выделены слова «больной», «здоровый», «доктор», «морфий», «кровь» и другие, для эмоционального – «счастливый», «печальный», «злой», «унылый», «скука», «страдать» и другие, для криминального –

¹ Character error rate.

² Word error rate.

³ В работе использован метод главных компонент и метод стохастического вложения соседей с t-распределением (t-SNE).

«убить», «зарезать», «карцер», «каторга», «наручник» и другие, для нарратива времени – «сегодня», «завтра», «ночь», «скоро», «пожить» и др. Анализ писем каторжан в данном случае предполагал не только автоматическое выявление главного нарратива или – шире – иерархии нарративов, но и идентификацию «связки» между ними, т.е. определение «ведущего» и «ведомого» нарративов¹. В процессе исследования за единицу анализа был принят один архивный лист (без оборота) как величина, наиболее удобная для статистической оценки со стороны автоматического алгоритма (нейросети). Отметим, что большая часть писем занимает один или два листа (66 и 34% соответственно). Полученные в рамках базового интеллектуального анализа данные представлены в таблице.

**Общие статистические данные по анализу нарративов
в письмах политзаключенных Смоленской временной каторжной тюрьмы**

Параметр сравнения	Телесный нарратив	Эмоциональный нарратив	Криминальный нарратив	Нарратив времени
Частота употребления слов из словаря	166	265	155	239
Количество листов с преобладающим нарративом (статистическое большинство)	16	32	12	26
Количество листов со статистически значимым преобладанием ²	4	13	3	8

¹ Помимо этой задачи алгоритм выявил в переписке каторжан слова, начинающиеся с заглавной буквы. Это позволило автоматически идентифицировать имена собственные (включая названия населенных пунктов), а также начало предложений (при нарушенной или отсутствующей пунктуации). Реализация этой задачи позволила установить, что в отдельных случаях авторы корреспонденции – осознанно или нет – фиксировали социальную реальность конкретной среды и эпохи, в частности использовали прописные буквы в словах «Высочайшее имя» и «Начальник».

² Параметр был введен для дополнительной проверки валидности и репрезентативности, полученной на основе словаря статистики, и исходит из

Как видно из полученных данных, наиболее часто встречающимся в этом блоке документов является эмоциональный нарратив: 265 упоминаний на 32 из 86 листов. Рассматривая статистически значимое преобладание, можно увидеть, что эмоциональный нарратив также превалирует (упоминание на 13 листах). Нарратив времени выступает вторым по востребованности – на него приходятся 239 упоминаний, он фиксируется на 26 и 8 листах соответственно.

Криминальный и телесный нарративы оказываются сопоставимыми. Так, исходя из оценки статистического большинства, такие нарративы выявляются на 12 и 16 листах соответственно. Статистика употребления слов из условно медицинского и криминального словарей также схожа – из 825 употреблений, приходящихся на все четыре темы, 166 соотносятся с телесностью, а 155 – с преступлениями. Таким образом мы можем говорить о своего рода иерархии нарративов в указанной коллекции материалов: (1) эмоциональный, (2) временной, (3) телесный и (4) криминальный.

Статистика последовательности появления нарративов в тексте демонстрирует устойчивую связь между эмоциональным, временным и телесным нарративами, которые чаще всего встречаются вместе. С эмоциональным нарративом соотносятся также телесный и криминальный нарративы, хотя последний – в меньшей степени. Однако в письмах каторжан описания криминальной деятельности и телесности крайне редко оказываются рядом, зачастую выступая обособленно.

Значение эмоционального нарратива представляется во многом очевидным с учетом того, что корпус источников создавался в условиях каторжной тюрьмы. Следует, однако, обратить внимание на несколько других обстоятельств, которые высвечивает проведенный анализ. Во-первых, категория «время» здесь тесно связана с описанием эмоционального и физического состояния заключенных. Иными словами, рассказ о себе, своих болезнях, горестях и страданиях – душевных и телесных – непременно соотносился с указанием на «сейчас» и «потом». Ответом на ужасающее состояние «сейчас» становилось светлое будущее, которое должно было наступить «потом».

предположения, что нарративы с достаточной полнотой описываются наборами своих ключевых слов, а вероятность нарратива пропорциональна суммарной частоте встречаемости его слов в общем корпусе русскоязычных текстов.

Во-вторых, политические заключенные Смоленской каторжной тюрьмы практически не выстраивали связи между криминальными темами и категорией «телесность», а значит, пребывание в тюрьме не рассматривалось ими как первопричина трудностей и невзгод. В-третьих, криминальные сюжеты, которые прямо увязывались с эмоциональным нарративом, оказывались относительно автономными по отношению как к описанию болезней и страданий, так и к рассуждениям о времени вообще и о будущем в частности. И, наконец, в-четвертых, важные для коммуникации революционеров отсылки к эмоциональной сфере не выступали в качестве триггера – эмоциональный нарратив не становился в большинстве случаев «ведущим». Однако он стабильно выступал как «ведомый», а значит, о чем бы ни шла речь – о собственном теле, о планируемом убийстве или о светлом будущем, она непременно должна была сопровождаться некой эмоциональной составляющей.

Проведенное исследование позволяет подтвердить отдельные историографические выводы в отношении представленных установок революционных групп, в частности ориентации на образ будущего, и обнаружить, с одной стороны, пространство, в котором формировался революционный язык, а с другой – идентифицировать нарративы, которые фактически скрепляли разноуровневые риторические структуры, позволяя создать новую форму разговора о политическом, превращая противников империи в «эмоциональное сообщество». Неудивительно поэтому, что даже во второй половине 1970-е гг., когда язык советских лидеров был как никогда далек от экспериментов первых послереволюционных лет, первые секретари обкомов КПСС, перечитывая свои речи, адресованные партактиву области и нацеленные на обсуждение результатов соцсоревнований, объема удоев или развития промышленности, стремились обнаружить хоть какую-то возможность для проявления эмоций – используя красный или синий карандаш, они подчеркивали в текстах выступления слова, которые надлежало выделить интонационно, ставили на полях восклицательные знаки и добавляли фразы «с глубочайшей признательностью» или «от всей души» [19. Л. 1–14].

Список источников

1. Несовершенная публичная сфера. История режимов публичности в России : сб. статей / сост. Т. Атнашев, Т. Вайзер, М. Велижев. М. : Новое литературное обозрение, 2021. 744 с.

2. Болтунова Е.М. «Я произнес перед вами слово истины»: речи Александра I в Великом княжестве Финляндском и Царстве Польском // Новое литературное обозрение. 2021. № 5 (171). С. 61–79.

3. Зубков К.Ю. Сценарии перемен. Уваровская награда и эволюция русской драматургии в эпоху Александра II. М. : Новое литературное обозрение, 2021. 608 с.

4. Voronina T., Kaelin B. The Feelings of Progress: Peripheral Temporalities during Late Socialism. Introduction // Canadian Slavonic Papers. 2023. Vol. 65 (1). P. 1–6.

5. Сафронова Ю.А. Русское общество в зеркале революционного террора. 1879–1881 годы. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 376 с.

6. Андреев Д.А. Самодержавие на переломе: 1894 год в истории династии и власти. СПб. : Алетейя, 2022. 234 с.

7. Туманова А.С. Публичное пространство России в 1906–1916 гг.: направления эволюции и формы коммуникации // Российская империя между реформами и революциями 1906–1916 гг. / под ред. А.И. Миллера и К.А. Соловьева. М. : Квадрига, 2021. С. 203–236.

8. Борисова Т.Ю. «Необходимая оборона общества»: Язык суда над Засулич // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / под ред. М.Б. Велижева, Т. М. Атнашева. М. : Новое литературное обозрение, 2018. С. 522–546.

9. Шевелев Д.Н. Эволюция идеологии антибольшевистского движения востока России в годы Гражданской войны // Гражданская война в России: проблемы выхода, исторические последствия, уроки для современности : сб. науч. тр. Новосибирск : Параллель, 2022. С. 103–120.

10. Атнашев Т., Велижев М. Три дилеммы интеллектуальной истории: the state of the craft // Новое литературное обозрение. 2021. № 5 (171). С. 11–21.

11. Калинин И.А. Как сделан язык Ленина: материал истории и прием идеологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. № 15 (4). С. 605–617.

12. Карпи Г. Политический язык Ленина. Идиома «партийность» // Новое литературное обозрение. 2021. № 5 (171). С. 38–60.

13. Кондратьев В.А. Письма славы и бессмертия. 1905–1920 гг. 2-е изд., доп. М. : Изд-во полит. лит., 1974. 223 с.

14. Государственный архив Смоленской области. Ф. 404. Оп. 1. Д. 631.

15. Дзержинский Ф.Э. Избранные произведения : в 2 т. М. : Изд-во полит. лит., 1967. Т. 1: 1897–1923 гг. 564 с.

16. Майский С. Черный кабинет: из воспоминаний бывшего цензора. Петроград : Былое, 1922. 23 с.

17. Марголис Ю.Д., Сандлер В.И. Сквозь время... Документальные очерки. М. : Молодая гвардия, 1968. 288 с.

18. Лантев А.К. Чувствуя революцию: эмоциональный режим каторжных тюрем Российской империи в развитии коммуникации протеста // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11 (1). С. 73–87.

19. Государственный архив Ивановской области. Ф. П–327. Оп. 20. Д. 146.

References

1. Atnashev, T. Vayzer, T. & Velizhev, M. (2021) *Nesovershennaya publichnaya sfera. Istoriya rezhimov publichnosti v Rossii* [An imperfect public sphere. History of publicity regimes in Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
2. Boltunova, E.M. (2021) “Ya proiznes pered vami slovo istiny”: rechi Aleksandra I v Velikom knyazhestve Finlyandskom i Tsarstve Pol'skom [“I spoke the word of truth before you”: speeches of Alexander I in the Grand Duchy of Finland and the Kingdom of Poland]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 5 (171). pp. 61–79.
3. Zubkov, K.Yu. (2021) *Stsenarii peremen. Uvarovskaya nagrada i evolyutsiya russkoy dramaturgii v epokhu Aleksandra II* [Scenarios of change. Uvarov award and the evolution of Russian drama in the era of Alexander II]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
4. Voronina, T. & Kaelin, B. (2023) The Feelings of Progress: Peripheral Temporalities during Late Socialism. Introduction. *Canadian Slavonic Papers*. 65 (1). pp. 1–6.
5. Safronova, Yu.A. (2014) *Russkoe obshchestvo v zerkale revolyutsionnogo terrora. 1879–1881 gody* [Russian society in the mirror of revolutionary terror. 1879–1881]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
6. Andreev, D.A. (2022) *Samoderzhavie na perelome: 1894 god v istorii dinastii i vlasti* [Autocracy at a turning point: 1894 in the history of dynasty and power]. St. Petersburg: Aleteyya.
7. Tumanova, A.S. (2021) Publichnoe prostranstvo Rossii v 1906–1916 gg.: napravleniya evolyutsii i formy kommunikatsii [Public space in Russia in 1906–1916: directions of evolution and forms of communication]. In: Miller, A.I. & Solov'ev, K.A. (eds) *Rossiyskaya imperiya mezhdru reformami i revolyutsiyami 1906–1916 gg.* [Russian Empire between reforms and revolutions in 1906–1916]. Moscow: Kvadriga. pp. 203–236.
8. Borisova, T.Yu. (2018) “Neobkhodimaya oborona obshchestva”: Yazyk suda nad Zsulich [“The Necessary Defense of Society”: The Language of the Zsulich Trial]. In: Velizhev, M.B. & Atnashev, T.M. (eds) *Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual'noy istorii* [Cambridge School: Theory and Practice of Intellectual History]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 522–546.
9. Shevelev, D.N. (2022) Evolyutsiya ideologii antibol'shevistskogo dvizheniya vostoka Rossii v gody Grazhdanskoj vojny [The evolution of the ideology of the anti-Bolshevik movement in the east of Russia during the Civil War]. In: Rynkov, V.M. (ed.) *Grazhdanskaya vojna v Rossii: problemy vykhoda, istoricheskie posledstviya, uroki dlya sovremenosti* [Civil War in Russia: problems of termination, historical consequences, lessons for the present]. Novosibirsk: Parallel'. pp. 103–120.
10. Atnashev, T. & Velizhev, M. (2021) Tri dilemmy intellektual'noy istorii: the state of the craft [Three dilemmas of intellectual history: the state of the craft]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 5 (171). pp. 11–21.

11. Kalinin, I.A. (2018) Kak sdelan yazyk Lenina: material istorii i priem ideologii [How Lenin's language was made: the material of history and the reception of ideology]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura*. 15 (4). pp. 605–617.
12. Karpi, G. (2021) Politicheskiy yazyk Lenina. Idioma “partiynost” [Lenin's political language. The idiom “party spirit”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 5 (171). pp. 38–60.
13. Kondrat'ev, V.A. (1974) *Pis'ma slavy i bessmertiya. 1905–1920 gg.* [Letters of glory and immortality. 1905–1920]. 2nd edition. Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury.
14. State Archive of Smolensk Oblast. Fund 404. List 1. File 631.
15. Dzerzhinskiy, F.E. (1967) *Izbrannye proizvedeniya: v 2 t.* [Selected works: in 2 volumes]. Vol. 1. Moscow: Izd-vo polit. lit.
16. Mayskiy, S. (1922) *Chernyy kabinet: iz vospominaniy byvshego tsenzora* [Black Cabinet: from the memoirs of a former censor]. Petrograd: Izd-vo “Byloe”.
17. Margolis, Yu.D. & Sandler, V.I. (1968) *Skvoz' vremena... Dokumental'nye ocherki* [Through time... Documentary essays]. Moscow: Molodaya gvardiya.
18. Laptsev, A.K. (2023) *Chuvstvuya revolyutsiyu: emotsional'nyy rezhim katorzhnykh tyurem Rossiyskoy imperii v razvitii kommunikatsii protesta* [Feeling the revolution: the emotional regime of convict prisons of the Russian Empire in the development of protest communication]. *Quaestio Rossica*. 11 (1). pp. 73–87.
19. State Archive of Ivanovo Oblast. Fund P-327. List 20. File 146.

Информация об авторах:

Болтунова Е.М. – канд. ист. наук, директор Института региональных исторических исследований Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: ekboltunova@hse.ru

Лаптев А.К. – канд. ист. наук, научный сотрудник Института региональных исторических исследований Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: aklaptev@hse.ru

Ломов Н.А. – канд. физ.-мат. наук, ассоциированный сотрудник Института региональных исторических исследований Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: nikita-lomov@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.M. Boltunova, Cand. Sci. (History), director of the Institute of Regional Historical Studies, HSE University (Moscow, Russian Federation). E-mail: ekboltunova@hse.ru

A.K. Laptev, Cand. Sci. (History), research fellow, Institute of Regional Historical Studies, HSE University (Moscow, Russian Federation). E-mail: aklaptev@hse.ru

N.A. Lomov, Cand. Sci. (Physics and Mathematics), research fellow, Institute of Regional Historical Studies, HSE University (Moscow, Russian Federation). E-mail: nikita-lomov@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья принята к публикации 28.08.2023.

The article was accepted for publication 28.08.2023.